

Д.М. Шиловский
М.В. Шиловский*

D.M. Shilovskiy
M.V. Shilovskiy*

Сибирская управленческая элита начала XIX – XX века

Siberian Managerial Elite of the Early 19th – 20th Centuries

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-3

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-3

УДК 94(47+57)“185/186”

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Сибирская управленческая элита начала XIX – XX века // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 32–39. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-03.pdf>

Shilovskiy D.M., Shilovskiy M.V. Siberian Managerial Elite of the Early 19th – 20th Centuries // Historical Courier, 2021, No. 5 (19), pp. 32–39. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-03.pdf>]

Abstract. The article analyzes key parameters (age, terms of office, ranks according to the “Table of Ranks”, education, ratio of the military to civilians) of the top-level managers in Siberia from the early 19th to 1917. A total of 214 administrators became heads of provinces and “oblasts” in the region during the period from 1822 to the February revolution. Most of them were Major Generals and Active State Councillors (68 % of the total number). After M.M. Speransky’s inspection of Siberia no cases of total corruption were registered among the Siberian governors, due to the gendarme supervision, strict control of the Ministry of Internal Affairs, establishment of operational communications with governmental structures, inspections. Almost all heads of territorial and administrative units of Asian Russia were aged between 50 and 55. The share of the military reduced; the majority of the future heads of territories were educated at the civilian institutions of higher education, for the most part at the universities. With few exceptions, most of them were Orthodox Christians, married, nobles with small or no estates, for whom the fixed official salaries were major source of income. In the extreme situation (revolution of 1905–1907) the officials lost “PR campaigns” to the opposition and revolutionary elements. By 1917, the personnel policy concerning the regional top officials had begun to falter.

Keywords: Governor-general; governor; Siberia; corruption; gendarmes; Ministry of Internal Affairs; personnel policy; Active State Councillor; Major General; conflicts.

The article has been received by the editor on 15.03.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Анализируются основные параметры (возраст, стаж пребывания в должности, чины согласно «Табели о рангах», образование, соотношение военных и гражданских) чиновников высшего управленческого слоя управленческой элиты Сибири от начала XIX в. до 1917 г. Всего, начиная с 1822 г. и до Февральской революции, во главе губерний и областей региона побывало 214 чел. Преобладали среди них генерал-майоры и действительные статские советники (68 % от общей совокупности). После ревизии М.М. Сперанского не фиксировалось случаев тотальной коррупции в среде сибирских

* **Шиловский Денис Михайлович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия, e-mail: awlsome@gmail.com

Shilovskiy Denis Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: awlsome@gmail.com

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет; Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Shilovskiy Mikhail Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University; Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: istorik.novosib@gmail.com

губернаторов, что было связано с надзором жандармов, жестким контролем со стороны МВД, установлением оперативной связи с правительственными структурами, инспекционными проверками. Практически все начальники территориально-административных образований Азиатской России находились в возрасте 50–55 лет. Сокращалась доля военных, основная часть будущих начальников территорий получила образование в гражданских вузах, в основном в университетах. За редким исключением подавляющее большинство были православными, женатыми, выходцами из мелкопоместных и беспоместных дворян, основным источником доходов которых являлись должностные оклады. В экстремальной ситуации (революция 1905–1907 гг.) чиновники проигрывали «PR-кампании» оппозиции и революционным элементам. К 1917 г. кадровая политика в отношении первых лиц региона стала давать сбои.

Ключевые слова: генерал-губернатор; губернатор; Сибирь; коррупция; жандармы; Министерство внутренних дел; кадровая политика; действительный статский советник; генерал-майор; конфликт.

Актуальность изучения слоя руководителей территориально-административных образований Азиатской России (генерал-губернаторы, губернаторы), на наш взгляд, исчерпывающе определил сибирский историк-регионовед А. В. Ремнев: «Насущность ретроспективного взгляда объясняется известной схожестью многих проблем, с которыми вынуждено сталкиваться руководство в организации управления Сибирским регионом. Учет как положительного, так и отрицательного опыта регионального управления позволит в значительной степени предвидеть, а значит, и избежать многих негативных последствий, нередко вызываемых реформами. Актуальность проблемы взаимоотношений центра и регионов сохраняется, имея тенденцию к обострению»¹.

В предпринятом авторами обзоре предполагается выявить основные параметры высшего слоя региональной бюрократии в процессе ее трансформации от малограмотных исполнителей, призванных беспрекословно выполнять приказы начальства, к образованным профессионалам, действовавшим в пределах полномочий, определенных законом, государственными интересами. История российского освоения (колонизации), в отличие от аналогичного процесса в США, связана с инновационной деятельностью и управленческими решениями государства. Вольнонародная колонизация в форме разнонаправленных миграционных потоков только дополняла их. Начиная с похода Ермака в конце XVI в. и до февраля 1917 г. развитие российской государственности осуществлялось в алгоритме империостроительства, основной принцип которого сводился к формуле: империя может динамично развиваться в том числе за счет территориальной экспансии и последующего закрепления за собой присоединенных земель, их социально-экономической адаптации, аккультурации и ассимиляции.

Характерной чертой сибирской управленческой элиты вплоть до начала XIX в. (реформы М.М. Сперанского) была ее вовлеченность в коррупцию, казнокрадство, административный произвол в условиях отдаленности региона и отсутствия эффективной системы контроля, сдержек и противовесов. Серьезная «зачистка» территории была осуществлена генерал-губернатором Сперанским в ходе ревизии Сибирской губернии в 1819–1822 гг. Главным основанием для возбуждения 74 следственных дел явилось «лихоимство в разных его видах». Злоупотребления были столь существенными, что, по мнению генерал-губернатора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». По итогам ревизии два губернатора (томский Д.И. Илличевский и иркутский Н.И. Трескин) были отстранены от исполнения обязанностей. В отношении первого Сперанский отмечал: «Злоупотребления вопиющие, по глупости губернатора Илличевского, по жадности его жены, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера»².

¹ Ремнев А.В. Сибирский вариант управленческой организации XIX – начала XX в. // Вестник РГНФ. 2001. № 3. С. 36.

² Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск, 2012. С. 35.

Свою миссию ревизор и реформатор сибирской управленческой вертикали в письме к дочери из Иркутска от 1 февраля 1820 г. определил следующим образом: «Сибирь для меня есть театр довольно выгодный. Если не много я здесь сделал, по крайней мере, много осушил слез, утешил негодований, пресек вопиющих насилий и, что может быть еще и того важнее, открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Один Ермак может спорить со мною в сей чести»³. Прежде всего М.М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть. Она должна «была стать прежде всего органом надзора»⁴. В компетенцию губернаторов входило решение наиболее важных управленческих вопросов, надзор и судопроизводство. Для осуществления надзора начальники губерний обзоредали губернские и окружные (уездные) учреждения и ревизировали делопроизводство в них. От них зависло назначение и увольнение большинства чиновников, представление их к наградам.

Всего в дореволюционный период, начиная с 1822 г., во главе губерний и областей региона побывало 214 чел. Ключевые позиции в губернаторском корпусе занимали генерал-майоры и действительные статские советники, на долю которых приходилось 68 % от общего числа представителей изучаемой совокупности. Разными были их управленческие практики. Так, ссыльный декабрист В.Ф. Раевский следующим образом характеризовал стиль работы енисейского губернатора В.К. Падалка: «Весьма деятельный, хорошо знающий свое дело, он привел в примерный порядок губернию. От 10 час. утра до 2 часов он объезжал все присутственные места, следил за ходом дел ежедневно. В доме его, как у президента Соединенных Штатов, не было ни караулов, ни швейцара. К нему без различия входили и чиновники, и купцы, и крестьяне, и поселенцы. Эта доступность облегчала его управление. Он знал все, что делается, и хорошо знал своих чиновников»⁵. В.И. Вагин в отношении генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова заметил: «Это был человек ровный, спокойный, неторопливый, но не ленивый. Он знал, что нельзя одним ударом меча разрубить гордые узел вековых злоупотреблений, и старался распутать этот узел постепенно и не без успеха... Нужно отдать справедливость Корсакову: при нем легко двигалось и свободно жилось»⁶.

С другой стороны, применительно к концу XIX века, высланный в Томск писатель-народник К.М. Станюкович, оказавшись на пароходе с назначенным в Иркутск генерал-губернатором А.П. Игнатьевым, следующим образом рассуждал о феномене этой должности: «В Сибири, где административная власть функционирует с большим простором, с большей независимостью, чем в губерниях, имеющих земство и гласный суд, и где обыватель привык считать закон писанным не для него, приезд нового генерал-губернатора будит во всех классах населения новые надежды. Каждый припоминает обиды и несправедливости и каждый простодушно уверен, что в руках такого властного и могущественного лица есть тот магический талисман, который восстановит правду, утрет слезы и превратит маленького сатрапчика в скромного общественного слугу. И если стоустая молва донесет, что “новый” доступен и добр, то такого “доброе” ждут в каждом уголке Сибири, как Мессию, повторяя с трогательным оптимизмом слова некрасовской Ненилы: “Вот приедет барин!”»⁷.

Наиболее массовый слой управленцев в дореволюционный период представляли начальники губерний и областей. Так, в Тобольской губернии за 1780–1917 гг. их сменилось 38, в Томской (1804–1917) – 30, Енисейской (1822–1917) – 16⁸. В избранных хронологических рамках происходило постепенное замещение военных гражданскими (статскими) чиновниками. В первом случае из 38 губернаторов гражданскими чиновниками являлись 34, воен-

³ Сперанский М.М. Письма к дочери. Новосибирск, 2002. С. 135.

⁴ Дамешек И.Л. Сибирские реформы М.М. Сперанского как проявление имперского регионализма // Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе: мат-лы конф. Новосибирск, 2005. С. 44.

⁵ Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 365.

⁶ Вагин В.И. Характеристики генерал-губернаторов // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 34.

⁷ Станюкович К.М. В далекие края (1886) // Станюкович К.М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1977, т. 1, с. 315–316.

⁸ Далее все подсчеты: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. 577 с.; Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы... 224 с.; Бердников Л.П. Вся красная власть: Очерки местного управления и самоуправления (1822-1916). Факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.

ными – четверо (три генерал-майора и один полковник). Однако еще девять человек до перехода в МВД служили офицерами в армии и на флоте, в т.ч. два генерал-майора, после отставки перешедших на статскую службу и переаттестованных в действительные статские советники. Всего получается 13 военных, т.е. примерно каждый третий. В Томской губернии среди 30 начальников было 11 генерал-майоров. Это обуславливалось тем, что в первой половине XIX в. томский губернатор одновременно являлся начальником Алтайского горного округа Кабинета его императорского величества. В Енисейской губернии из 16 первых лиц статских насчитывалось девять, еще трое некоторое время до перехода в МВД служили в армии офицерами и еще четверо (три генерал-майора и один генерал-лейтенант) являлись кадровыми военными.

На момент назначения из 214 губернаторов военных (генерал от инфантерии, генерал-лейтенанты, генерал-майоры, контр-адмиралы, бригадир, полковники) насчитывалось 107 чел. и штатских (тайные советники, действительные статские советники, статские советники, надворные советники и коллежские советники) также 107 чел. Согласно «Табели о рангах» они распределялись следующим образом: генерал от инфантерии (2 класс) – 1 чел., генерал-лейтенант (3-й класс) – 21, генерал-майор (4-й класс) – 72, контр-адмирал (4-й класс) – 5, бригадир (5-й класс) – 1, полковник (6-й класс) – 7, тайный советник (3-й класс) – 3, действительный статский советник (4-й класс) – 75, статский советник (5-й класс) – 31, коллежский советник (6-й класс) – 2 и надворный советник (7-й класс) – 2 чел. Как видим, ключевые позиции в губернаторском корпусе занимали генерал-майоры и действительные статские советники, на долю которых приходилось 68 % от общего числа представителей изучаемой совокупности.

Как отмечает Н.П. Матханова, «среди обязательных дел генерал-губернаторы выделяли какие-то особо важные или приоритетные. Для Броневского и Руперта это была организация воинских сил и путей сообщения. Для Муравьева в первый период его управления это были административные преобразования, социально-экономические меры, а с начала 1850-х и до конца – “амурский вопрос”, т.е. присоединение и начало освоения Амурского края... Корсаков считал главной задачей достойно продолжить и завершить начатое его родственником и покровителем – Н.Н. Муравьевым-Амурским, которого он искренне считал гением. Практически большую часть времени и сил он тратил на переписку с центральными ведомствами, оправдываясь от обвинений в попустительстве политическим ссыльным (вызваны были бегством Бакунина), от упреков в нерациональном использовании средств на Амур. Большое значение он также придавал народному образованию и просвещению, пытался добиться распространения на регион реформ 1860-х гг. Синельников особое внимание уделял управлению ссыльными и использованию их для строительства дорог и иных целей, что соответствовало и опыту прежней управленческой деятельности»⁹.

После ревизии М.М. Сперанского уже не фиксировалось случаев тотальной коррупции в среде сибирских губернаторов, что было связано, на наш взгляд, с деятельностью жандармских органов, более жестким контролем со стороны МВД, установлением оперативной связи с правительственными структурами (телеграф), инспекционными проверками. Находящаяся в работоспособном состоянии система местного государственного управления давала сбои в кризисной ситуации. В частности, революционная волна 1905 г. застала врасплох местные власти. Они постоянно отступали под нажимом митингующих и бастующих, что воспринималось радикально-либеральными кругами как признак слабости. На примере Томска можно было наблюдать, как органы государственного управления проигрывали «PR-кампании» оппозиции, которая в своих легальных и нелегальных изданиях формировала у обывателей отталкивающий образ власти, в т.ч. губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева, прибегая к откровенной фальсификации, умолчанию, поддержке и прочим приемам массивной информационной войны¹⁰.

⁹ Матханова Н.П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия иркутского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 15. С. 26.

Красочную зарисовку произошедшего в административном центре Забайкальской области Чите воспроизвел по горячим следам помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) в донесении от 6 июля 1907 г.: «В конце 1905 и в начале 1906 г. социал-демократическая рабочая партия являлась уже настолько сильной организацией, что ей, хотя и на время, но уступили свою власть органы местной правительственной власти. Почта и телеграф, охранение общественного порядка, пути сообщения, хотя и временно, но находились в руках социал-демократической партии. Эта партия... уже полагала, что почти достигла исполнения своей главной цели: ниспровержения существующего государственного строя, что еще один дружный натиск на ненавистное правительство – и на их стороне торжество победы. Она усиленно готовилась к решительному бою, запасаясь оружием, разграбленным из поездов, следовавших на театр военных действий. Не встречая в лице органов правительственной власти должной преграды своим стремлениям, она дошла до того, что вполне обезличила эту правительственную власть, которая преклонялась и заискивала перед нею»¹¹.

В конечном счете военного губернатора области, генерал-лейтенанта И.В. Холщевникова, за бездействие отстранили от должности и впоследствии военным судом осудили на 16 месяцев заключения в крепости. В 1907 г. его помиловали и отправили в армейский резерв. Зато общим собранием Читинского подотдела Императорского Русское географическое общество 10 января 1906 г. проштрафившегося администратора избрали почетным членом неополитического объединения, поскольку деятельность его в рассматриваемое время имела положительное значение «в смысле устранения тех столкновений и кровопролитий, которые были весьма возможны как между правительственными войсками и народом, с одной стороны, так и между самим населением»¹². Очевидная беспомощность местных властей привела к началу 1906 г. к замене в Сибири всех губернаторов, за исключением якутского – В.Н. Булатова. Так, в Тобольской губернии «умиротворение» началось с отставки А.П. Лаппо-Старжнецкого и назначения временным генерал-губернатором по Тюменскому, Курганскому и Челябинскому уездам генерала С.Ф. Стельницкого. Завершил этот процесс переведенный в Тобольск из Иркутска Н.Л. Гондатти, стремившийся избегать массовых экзекуций. Он умел вести диалог и примирять конфликтующие стороны, но без колебаний переходил к решительным действиям, когда этого требовала обстановка.

В экстремальной ситуации Первой мировой войны властная вертикаль в Азиатской России существенно не изменилась. На вершине региональной чиновничьей пирамиды находились генерал-губернаторы Степной и Иркутский. В первом случае должности замещались исключительно генералами, поскольку они одновременно являлись командующими Омского военного округа и наказными атаманами Сибирского казачьего войска. С 1908 по май 1915 г. вышперечисленные структуры возглавлял генерал от кавалерии (1907) Е.О. Шмит. Его сменил генерал-лейтенант (с апреля 1916 г. – генерал от кавалерии) Н.А. Сухомлинов. Иркутским генерал-губернатором с 1910 по февраль 1916 г. являлся тайный советник и егермейстер Л.М. Князев, до этого губернаторствовавший в Вологде, Костроме, Митаве (Курляндия). На их примере можно наблюдать старение генерал-губернаторского корпуса в Сибири. Е.О. Шмиту к моменту назначения в Омск исполнилось 64 года, Н.А. Сухомлинову – 65, Л.М. Князеву – 60 лет. На этом фоне его преемник – 46-летний действительный статский советник А.И. Пильц – выглядел молодым, но он не обладал административным опытом своего предшественника, и его назначение можно рассматривать как случайность военного времени¹³.

¹⁰ Шиловский М.В. Томский погром 20–23 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация: 2-е изд. Новосибирск, 2019. 160 с.

¹¹ История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.). Иркутск, 1981. С. 155.

¹² Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

¹³ Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Последний иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц // Мат-лы VII Всерос. научно-практич. конф., посв. 210-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А.М. Сибирякова. Иркутск, 2020. С. 102–108.

Не произошло принципиальных изменений в управленческой деятельности губернаторов в годы Первой мировой войны, как и выдвижения новой генерации управленцев, молодых и амбициозных. Среди административных ресурсов, используемых региональными властями, на первое место выдвинулись обязательные постановления. Губернаторы стали обладать более широким объемом полномочий. Но они могли только докладывать и ходатайствовать, а это воспринималось как бездействие и подрывало престиж власти в глазах обывателей. Начальники губерний действовали в пределах компетенций, определенных законом, и выйти за их рамки даже не пытались. Отличались управленческие подходы и стиль работы. В приказах по Омскому военному округу Н.А. Сухомлинов позиционирует себя как много повидавший ветеран со склонностью к морализаторству. Так, 15 августа 1915 г. он сообщает командному составу округа о результатах своей вечерней прогулки по Омску. В частности, «при дальнейшем моем следовании по городу, я встретил прапорщика 26-го Сибирского стрелкового запасного батальона Баранова, который тоже не отдал мне чести, а на мое замечание о необходимости быть более внимательным, позволил себе вступить со мной в неуместный разговор, приводя в свое оправдание различные доводы, чем выказал явное непонимание своего положения и неумение держать себя в разговоре со старшим начальником»¹⁴. Томский губернатор В.Н. Дудинский «придавал большое значение поездкам по губернии, обозрению дел на местах, созданию собственного представления о жизни отдельных территорий Томской губернии»¹⁵.

К 1917 г. кадровая политика в отношении первых лиц территории стала давать явные сбои. В Красноярске, после смерти в ноябре 1915 г. ревностно относящегося к служебным обязанностям И.И. Крафта, исправляющим должность назначили вице-губернатора Костромской области И.В. Хазикова, через полгода передали вице-губернатору Б.П. Писаренкову, а еще через полгода губернатору Волынской губернии Я.Г. Гололобову, журналисту и антисемиту. Хотя он не имел высшего образования, П.А. Столыпин активно продвигал своего протеже по карьерной лестнице. Ничем не проявил себя иркутский губернатор А.Н. Юган (1913–1917), являвшийся «тенью» местного генерал-губернатора.

Последний якутский губернатор действительный статский советник Р.Э. Витте 6 июня 1914 г. прибыл к месту службы, а 16 декабря был освидетельствован врачами, установившими у него эмфизему легких и артериальный склероз уха. Его прошение об отставке было удовлетворено. Игнорирование принципа предварительной адаптации назначаемого в арктическую зону чиновника из более южных районов приводило к трагическим последствиям. Назначенный в Якутск в 1913 г. губернатором бывший ставропольский вице-губернатор М.А. Пономарев пробыл в должности 3,5 месяца, внезапно скончавшись от приступа грудной жабы.

Таким образом, сибирские генерал-губернаторы (1822–1917) имели возраст к моменту назначения 50–60 лет, находились в должности в среднем 6–6,5 лет и являлись преимущественно военными в звании генерал-лейтенантов, имея за плечами богатый опыт военно-административной службы и участия в боевых действиях. Практически все губернаторы административно-территориальных образований Азиатской России в 1822–1917 гг. на момент назначения были действительными статскими советниками в возрасте 50–55 лет. Сокращалась в указанный период доля военных, большая часть будущих начальников территорий получила образование в гражданских вузах, в основном в университетах. До назначения в Сибирь они служили главным образом вице-губернаторами в губерниях Европейской России. Например, В.Н. Дудинский прослужил почти 33 года, из них 22 – в системе МВД, прежде чем стать томским губернатором. За редким исключением, подавляющее большинство были православными, женатыми, выходцами из потомственных дворян, но только небольшая часть из них являлась землевладельцами (не более 10 %). Всех их можно отнести к категории мелкопоместных и беспоместных дворян, основным источником доходов которых были должностные оклады. Характерным для них было быстрое продвижение по лестнице «Табели о

¹⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 132. Оп. 1. Д. 1. Л. 137об.

¹⁵ Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы... С. 199.

рангах». Тот же Дудинский за пять лет (1906–1911) «прошел» дистанцию от титулярного до действительного статского советника. Исключением на этом фоне можно считать Ф.Ф. Чернцова (Семипалатинск), Н.А. Ордовского-Танаевского и Я.Г. Гололобова, получивших свои посты благодаря высокопоставленным покровителям в Петербурге¹⁶.

Литература

Бердников Л.П. Вся красноярская власть. Очерки местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. Красноярск: Кн. изд-во, 1993. 320 с.

Вагин В.И. Характеристики генерал-губернаторов // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 30–36.

Дамешек И.Л. Сибирские реформы М.М. Сперанского как проявления имперского регионализма // Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе: мат-лы конф. Новосибирск: СибАГС, 2005. С. 41–48.

История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.) / сост. Л.Ф. Берсенов и др. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 342 с.

Матханова Н.П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 15. С. 23–28.

Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 2. 540 с.

Ремнев А.В. Сибирский вариант управленческой организации XIX – начала XX в. // Вестник РГНФ. 2001. № 3. С. 28–41.

Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / авт.-сост. Т.И. Бакулина и др. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. 577 с.

Сперанский М.М. Письма к дочери / сост. Н.В. Куксанова. Новосибирск: НГУ, 2002. 196 с.

Станюкович К.М. В далекие края (1886) // Станюкович К.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1977. Т. 1. С. 238–333.

Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 347 с.

Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Последний иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц // Мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф., посв. 210-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А.М. Сибирякова. Иркутск: Отгиск, 2020. С. 102–108.

Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация: 2-е изд. Новосибирск: Параллель, 2019. 160 с.

Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: библиографический указатель. Томск: Ветер, 2012. 224 с.

References

Bakulina, T.I. (Comp.). (2000). *Sibirskiye i tobolskiye gubernatory: istoricheskiye portrety, dokumenty* [Siberian and Tobolsk Governors: Historical Portraits, Documents]. Tyumen, Tyumenskiy izdatelskiy dom., 577 p.

Berdnikov, L.P. (1993). *All the Krasnoyarsk Power. Essays on the Local Government (1822–1916). Facts, events, people.* Krasnoyarsk, Kn. Izd-vo. 320 p.

Bersenev, I.V. et al. (Comp.). (1981). *Istoriya rabochego klassa Vostochnogo Zabaykalya* [History of the Working Class of the Eastern Transbaikalia]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn izd-vo. 342 p.

Dameshek, I.L. (2005). *Sibirskiye reformy M.M. Speranskogo kak proyavleniye imperskogo regionalizma* [Siberian Reforms of M.M. Speransky as Manifestation of the Imperial Regionalism].

¹⁶ Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск, 2018. С. 253–254.

Coference Materials] In *Gosudarstvennyye reformy M.M. Speranskogo v istoricheskoy retrospektive. materialy konf.* Novosibirsk, SibAGS, pp. 41–48.

Matkhanova, N.P. (2016). Deyatel'nost' general-gubernatorov Vostochnoy Sibiri: zakon i praktika [Activities of the East Siberian Governors-General: Law and Practice]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 15, pp. 23–28.

Rayevskiy, V.F. (1983). *Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatel'nosti* [Materials on Life and Revolutionary Activities]. Irkutsk, Vost-Sib. kn. izd-vo. Vol. 2. 540 p.

Remnev, A.V. (2001). *Sibirskiy variant upravlencheskoy organizatsii XIX – nachala XX v.* [Siberian Variant of Administrative Organization of the 19th – Early 20th Century]. In *Vestnik RGNF*. No. 3, pp. 28–41.

Shilovskiy, D.M., Shilovskiy, M.V. (2018). *Administrativno-territorialnoye ustroystvo i upravlencheskiy apparat Aziatskoy Rossii (konets XVI – nachalo XXI v.)* [Administrative and Territorial Structure and Administration of Asian Russia (Late 16th – Early 21st Century)]. Novosibirsk, NGUEU. 347 p.

Shilovskiy, D.M., Shilovskiy, M.V. (2020). Posledniy general-gubernator A.I. Pilts [The Last Governor-General A.I. Pilts]. In *Materialy VII Vseros. nauchno-praktich. konf. posvyashchennoy 210-letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Muravyova-Amurskogo i 170-letiyu so dnya rozhdeniya A.M. Sibiryakova*. Irkutsk, Ottisk, 2020, pp. 102–108.

Shilovskiy, M.V. (2019). *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya: 2-e izd.* [The Tomsk Pogrom, October, 20–22, 1905: Chronicle, Commentary, Interpretation. 2nd edition]. Novosibirsk, Parallel. 160 p.

Speransky, M.M. (2002). *Pisma k docheri* [Letters to the Daughter]. Novosibirsk, NGU. 196 p.

Stanyukovich, K.M. (1977). V dalyokiye kraya (1866) [To the far away lands (1866)]. In *Stanyukovich K.M. Collected works: in 10 vols.* Moscow, Pravda. Vol. 1, pp. 238–333.

Vagin, V.I. (1997). Kharakteristiki general-gubernatorov [Characteristics of Governors-General] In *Zemlya Irkutskaya*. 1997. No. 8, pp. 30–36.

Yakovenko, A.V., Gakhov, V.D. (2012). *Tomskiye gubernatory: biobibliograficheskiy slovar* [The Tomsk Governors: Bio-Bibliographic Index]. Tomsk, Veter. 224 p.

Статья поступила в редакцию 15.03.2021 г.